

СЕНТЯБРЬ 1925 Г.
МУРЗИЖА

№ 9

106
100

ИЗДАНИЕ „РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ“

При этом №—**бесплатное приложение: „СТАДО“**, для вырезывания и склеивания:

ИНТЕРЕСНОЕ ЗАНЯТИЕ

== И ==

РАЗВЛЕЧЕНИЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ.

ВЫПИСЫВАЙТЕ АЛЬБОМЫ ИГРУШЕК ДЛЯ ВЫРЕЗЫВАНИЯ И СКЛЕИВАНИЯ.

Давайте склеивать. (Пароход, ослик, автомобиль, самолет). Ц. 40 коп.

Забавы—малышам. (Карусель, катанье с гор, мишкатыантор). Ц. 40 коп.

Красная армия. (Пехота, конница, артиллерия, оркестр музыки и пр.). Ц. 75 коп.

Модели—машин. (Авто-

мобиль, аэро-сани, трактор, гидро-самолет, трамвай, автобус). Ц. 75 к.

Игрушки-самоделки. (Слон, клоун и ослик, обезьяна Жако, заяка-встанька, собачка Такса, утка, котик Мурлыка). Ц. 75 коп.

Наш дом. (Куклы с переодеванием, чайная посуда, кухня, плита, утюг, корыто,

самовар, кукольная мебель). Ц. 75 коп.

Цирк и зверинец. (Акробаты, наездники, клоуны, дрессированные животные, клетка для зверинца). Ц. 75 коп.

Шахматы. Ц. 35 к.

Новые фигурные шашки. Ц. 35 коп.

Альбом рисунков для выпиливания. Ц. 35 коп.

И ДРУГИЕ ДЕТСКИЕ КНИГИ, КАТАЛОГИ КОТОРЫХ ВЫСЫЛАЮТСЯ ПО ТРЕБОВАНИЮ БЕСПЛАТНО.

В МОСКВЕ АЛЬБОМЫ ПРОДАЮТСЯ ВО ВСЕХ КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ.

В ПРОВИНЦИЮ АЛЬБОМЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ.

ЗАКАЗЫ АДРЕСОВАТЬ: Плющиха, 11, кв. 17 Г. Ф. МИРИМАНОВУ.

ВСЕМ РЕБЯТАМ

НАДО НЕМЕДЛЕННО ПОДПИСАТЬСЯ НА ЖУРНАЛ

(год II-й) **„МУРЗИЛКА“** (год II-й)

КАЖДЫЙ МЕСЯЦ ОН ДАЕТ:

КНИЖКУ ЖУРНАЛА
В РАСКРАШЕННОЙ ОБЛОЖКЕ.
РИСУНКИ В КРАСКАХ.
ЛИСТЫ ДЛЯ ВЫРЕЗ. И СКЛЕИВАНИЯ:
ТУТ И ИГРУШКИ-САМОДЕЛКИ,
И ТЕАТРЫ, И ПАНОРАМЫ
И ИГРЫ.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

На 1 мес.—40 к. На 3 мес.—1 р. 20 к.

РЕДАКЦИЯ:

МОСКВА, Охотный ряд, 7.

КОНТОРА:

МОСКВА, Тверская, 3.

АНОНС: В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ
БУДЕТ ДАН ТЕАТР

„ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА“.

МОИ ЧАСТУШКИ.

С дачи — не потеха ли? —
Я в корзинке ехала.

Мне на даче нравилось,
Очень я поправилась.

XX
63
11

МУРЗИЛКА

1925 г.
сентябрь

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ „РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ“
ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА.
==== Год второй. ====

№ 9.
сентябрь

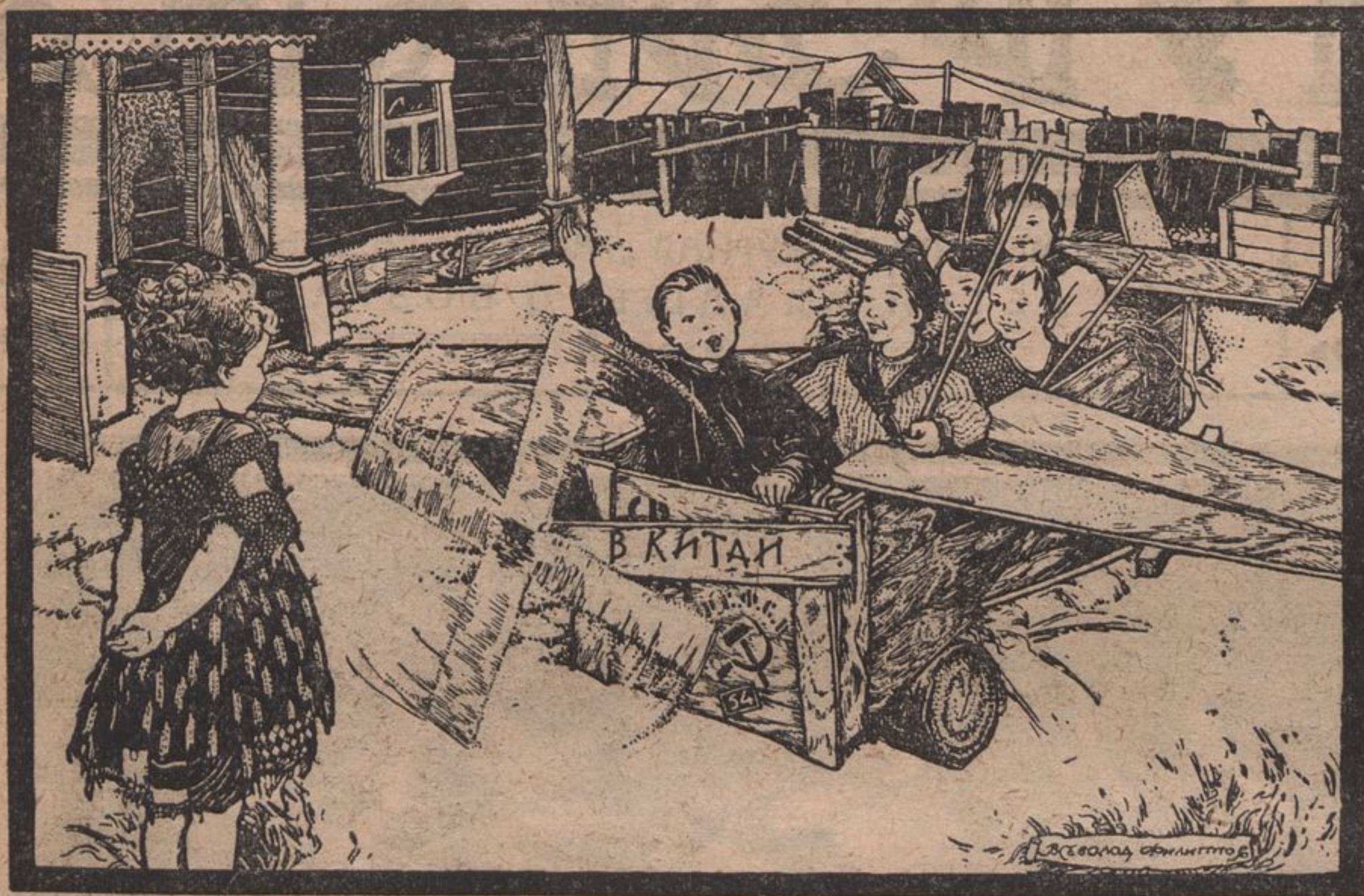
XXV-8

МАРШ ОКТЯБРЯТ.

Стройными рядами,
Поднимая знамя,
Мы, ребята-октябрята,
На парад идем

Павшим на смену,
На помощь живым.
Под знаменем Ленина
Мы победим.

ВЛ. ТАМБЕЛЛИНИ.

Тоже самолет.

Был Федька с отцом на аэродроме, видел, как самолеты летают. Люди—вроде как бы птицы.

Домой вернулся,—всех ребят перемутил: давай да давай самолет строить.

Длинный ящик ребята нашли,—сколотили из досок крылья. Спереди доски крест-на-крест на гвозде прибили, чтоб вертелись. Федька кричит:

—Я его сам вертеть буду,—полетим. Садись, ребята!..

А Сенька говорит:

—Жестко сидеть в ящике-то. Я сена подложу.

—Тащи, и то ладно, сидеть будет мягче.. .

Забрались ребята в ящик, в сене кувыркаются.

—В Китай полетим, китайцам поможем англичанку за хвост таскать...

Федька—пропеллер крутит,—только треск идет. Ишь-ты, летят как, хорошо!..

Визжат ребята:

—Ау, Москва!.. Не догонишь!..

Только маленькая Агашка в стороне стоит, с завистью на ребят смотрит.

И охота ей на самолет забраться, в сене повозиться,—да не смеет она. Сирота она,—нет у нее никого,—живет из милости у чужих людей за прислугу,—забитая, нелюдимая.

Увидал Федька, как Агашка глаза на них косит,—жаль ему стало.

—Агашка,—кричит,—иди сюда! Лезь на ероплан. В Китай полетим...

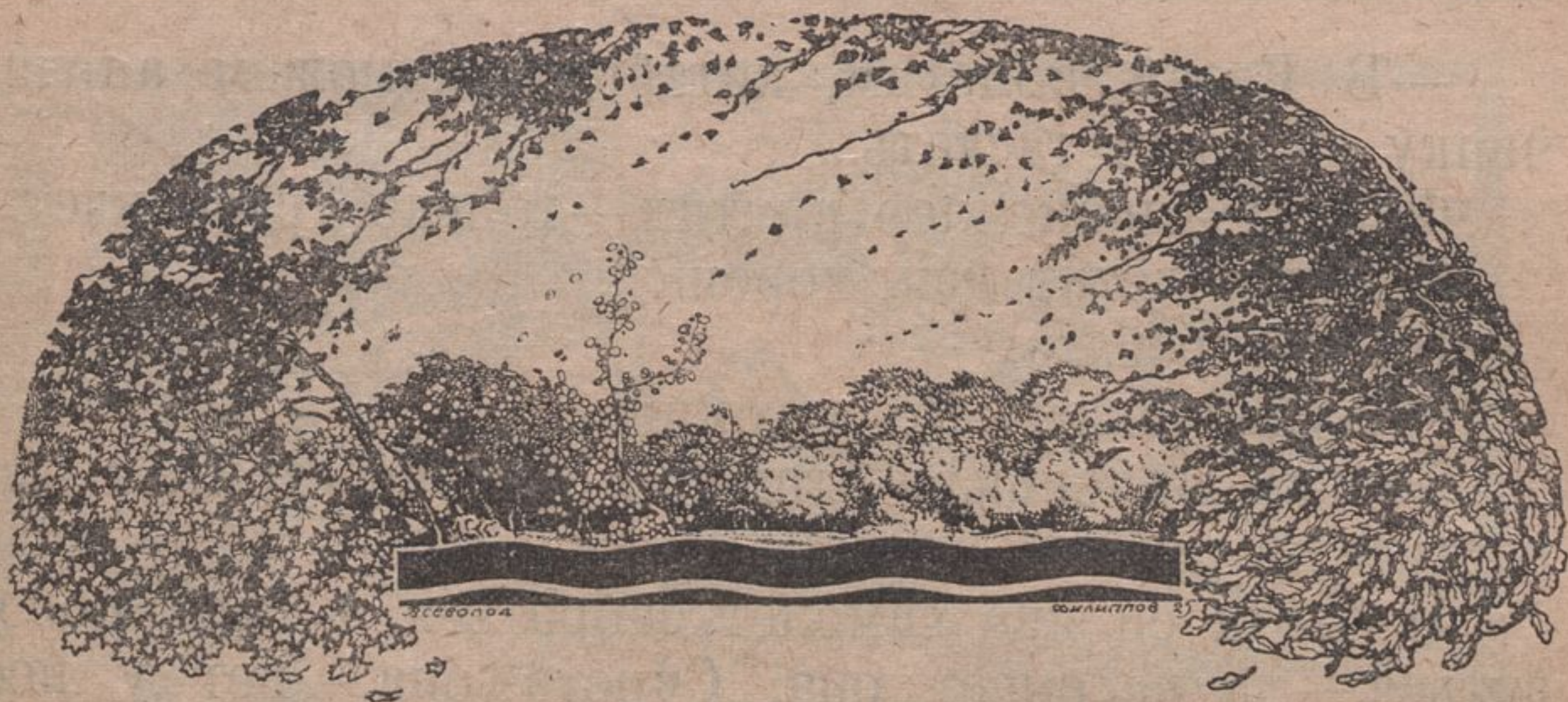
Зарделась вся Агашка. Влезла в ящик. И тут такая игра пошла, что лучше не надо. На весь двор визжат, смеются ребята, кричат:

—Крути, Федька, шибче, больно тихо ероплан твой летит!..

Н. А—в.

Кашу кушаю и радио слушаю.

Ребячий огород.

На дворе при фабрике ребята по весне сами огород устроили.

Сами поливали, а когда сорная трава пошла,—пололи. И уж как радовались, когда первые овощи пошли.

Васька Хвощ, что из деревни к отцу приехал, всем огородом управлял. Его ребята так „комиссаром“ и прозвали.

Как стали ребята овощи собирать,—чисто праздник. Овощей много, работы хватит надолго. Вон тыквы есть такие, что по пуду весят. Собери-ка их, попробуй!..

Всех ребят мобилизовали на работу,—даже октябрят. Да чего там—мобилизовать,—сами ребята на работу рвутся.

Одна радость—за ботву ухватить да вытащить—репу, редьку, морковь.

Васька-комиссар—по рядам ходит, командует:
—Чище, чище выбирай, ребята!

Горками сложены овощи,—и растут, растут эти горки.

Ужо к вечеру, после гудка, дележка будет.

Вечереет. Собрались жены рабочих, да кое-кто из рабочих на огород. Посмотреть занятно.

—Ну, ребята!.. Вот молодцы! Смотри, чего наделали!

—Да, братец ты мой, помню,—пустырь вовсе не годящий был. Зря сколько времени пропадал. А теперь—глянуть любо.

Васька-комиссар стоит, а по сердцу у него — словно масло: он ведь это надумал, ребят надоумил.

И вот как хорошо дело вышло!..

У каждого вороха овощей—ребята, заывают:

—Подходите!.. Подходите!.. Разбирайте!..

Старая работница тыкает под бок свою соседку.

—Вот дело-то какое, Мотря... Гляжу, и глазам не верится.—Допреж, бывалыча, придешь с рынка,—мальчонкам по морковке сунешь: на-те мол... позоблите...

А теперь ребята нас овощами оделяют. Истинно уж новые времена пошли. Кабы раньше кто сказал,— и не поверила бы...

А Васька-комиссар кричит:

—Скорее, скорее, гражданки, разбирайте. Время к ночи. Темнеть начинает!..

Тянутся друг за дружкой работницы с огорода ребячьего, тащат—кто корзину полную, кто мешок.

Васька кричит:

—Как картошки нароем, —оповестим. А за капустой,— в особицу!..

— Молодцы, ребята! Из потехи ребячьей,—хорошее дело вышло,—говорят рабочие в голос.

А. ИШИМОВ.

Среди друзей.

Летний вечер.

Тишина. Пестрят букашки,
 Комары толкут кружок,
 Вьют волнистые барашки
 Облаков пушистый шолк.

Тень деревьев ткнулась в речку,
 Лопухи к заборам льнут,
 Дед на камне у крылечка
 Внуку вьет мочальный кнут.

Пал туман, и к роще звонкой,
 На большой ковер лугов,
 Лошаденки вперегонку
 Мчат крикливых седоков.

Под окошком бродит клушка,
 Ветлы выстроились в ряд,
 На завалинке старушка
 Кормит маленьких цыплят.

Сон старушку клонит на-бок,
 Тянет свежестью с реки,
 Громыхая по ухабам,
 Едут с пашни мужики.

Миронов-Климов.

ГРАБЕЛЬЦЫ.

Мамка „до свету“ истопила печь, проводила корову, и мы поехали в поле косить рожь. Остановились мы на меже, но лошадь тятка отпрягать сразу не стал. Он взял косу, подтянул грабельцы и стал от борозды рожь откашивать.

Я спросил:

— Это ты, тятя, зачем откашиваешь?

— А чтобы лошадь с телегой на загоне поставить. Люди будут проезжать, за телегу задеть могут.

Тятка сказал правду. Только успел он откосить и сдернуть лошадь, глядь, по этой меже свернули Степкин отец с семьей.

Степкин отец картуз снял. Степка—тот мне:

— А наша рожь ведь рядом с вашей.

— Ну-у?—обрадовался я.—Вот и гоже.

Мы начали распрягать лошадь. Тятка развязывал супонь, а я сматывал вожжи. Мамка с Наташкой скошенную рожь в снопы вязали. Потом, когда убрали все, косить принялись. Косили мы до обеда. Наташка свясла матери делала, а я с граблями по загону ходил. Сгребая, а сам все по сторонам гляжу: не садится ли кто-нибудь обедать. Больно есть мне захотелось.

А косы по загонам так и звенят, так и поют.

Подходит тятка ко мне и говорит:

— Бросай грабли, сынок, обедать пойдём!

Подняли оглобли, а на оглоблях торпище развесили, чтобы холодок был.

Сперва квас забеленный с лукомияйцами мать подала. И такой вкусный он. А потом все прочее.

После обеда ушли в копны спать, а мне спать не хотелось.

Гляжу,—по меже Степка ко мне бежит.

Подбежал, тихонечко спрашивает:

— Ты косить умеешь сам?

— Нет,—говорю.—А ты нешто умеешь?

— О-о! Вот чего сказал! Да я да-авно!..

Досадно мне стало, что Степка хвалится.

— И ты тоже не умеешь. Ты только так говоришь.

— Пойдем покажу.

Пошли к ихней телеге. Он тихонечко, чтоб никто не услышал, взял косу.

— Ну, валяй,—говорю ему.

— Нет, лучше на тот конец пойдём. Услышат, ругаться будут.

Пришли к другой меже.

— Вот теперь гляди.

Степка начал косить. Правда, умеет он. Рожь так и валится у него на ряд. И ряд захватывает такой же широкий, как у отца.

— Ну-ка, дай, я попробую.

Не дает Степка косу.

— Свою иди бери. Сломаешь, мне тятка тогда чего сделает за нее, знаешь?

— Ну, пойдём ко мне. Я тебе тоже докажу, что и я умею.

У нашей телеги я взял косу. И показалась она мне такой тяжелой, — с целый пуд.

„Ничего, — думаю, — уж не сдамся я тебе, Степка, хоть ты и старше меня“.

Немножко ушли подальше. Степка грабельцы подтянул.

— Теперь коси.

Опускаю я косу. Р-раз, она носом — в землю.

— Возьми носом повыше, — говорит мне Степка. — Пяткой режь, а носком поддевай.

Поднимаю носком выше. Коса шмыгает по ржи, „салит“, а рожь стоит на месте.

— Понемножечку бери, не сразу!

Меня индо пот прошибает. Беру понемножечку.

— Ничего, сейчас лучше дело пойдет.

Беру ряд шире. Режу низко, около самой земли.

— Гляди, как пошло, — говорю Степке.

— Ну, валяй, валяй.

Размахнулся я косою, хотел повести, грабельцы в рожь впутались да вдруг — хрясь!!

Так и похолодел я весь. А тут тятка еще проснулся. Из крестцов поднялся, глаза протирает. Увидел нас, к нам идет.

— Вот беда, — испугался я. — И даст он мне сейчас по шее за грабельцы.

Подошел тятка, поглядел на нас обоих, грабельцы изломанные увидел.

— Это кто у вас ухитрился сломать?

— Я, тятя, — говорю.

— А кто тебе велел?

— Косить я учился.

Подумал отец, головой покачал.

— И надрал бы я тебе уши, да мальчишка больно ты шустрый у меня. Вот подрастешь годков пяток еще, тогда тебе легкие грабельцы сделаю.

Степка смеется, а тятя ему:

— А ты чего смеешься, а? Ты сколько у отца-то грабельцев поломал, пока выучился?

Как сказал это тятя, так у меня и от сердца отлегло.

„Ага, — думаю, — видно, не так легко все дается“.

Волчата.

Волчиха зла и свирепа. Жестоко воспитывает она своих волчат, — дразнит их, кусает. А делает это она для того, чтобы волчата росли злыми и свирепыми, чтобы их никто забидеть не мог.

Но волчиха любит все-таки своих волчат-детенышей.

Как-то раз шла волчиха со своими волчатами и все дразнила их. Злятся волчата, зубы скалят на мать.

— Что ты нас мучаешь, — говорят, — того гляди, загрызешь. А говоришь, что жалеешь нас...

Вдруг залаяла собака, зафыркала лошадь. Вдали по дороге ехал охотник навстречу волкам.

— Тише, — сказала волчиха волчатам, — ложитесь на землю, прижмитесь плотнее и не высовывайте голову из травы.

Волчата залегли в траве, а волчиха бросилась бежать по лугу. Увидали ее собаки, кинулись за ней следом.

Увидел волчиху и охотник и поскакал за ней следом во весь опор. Волчата посмотрели им вдогонку и говорят друг другу:

— Вот какая, сама убежала от беды, а нас одних бросила...

Были сумерки, когда волчиха вернулась к своим детям. Одна нога у нее была перебита, шея и плечи искусаны и в крови.

— Пойдемте домой, — сказала она волчатам, — а когда у вас будут дети, — учитесь вот так же отводить в сторону собак и охотников, как я.

Только тут поняли волчата, как заботилась о них волчиха-мать.

Т. О.

Кончается лето,—опять ходи одетый!

Листопад.

Осень наступает. Все короче и короче дни, а ночи—темные да долгие. Холоднее становится, и чаще идет дождик по целым дням.

А на деревьях среди зеленой листвы кое-где появляется все больше желтых, красных и бурых листьев.

Пошли как-то ребята в лес. Пионер Витя остановился вдруг и говорит:

— Гляньте, ребята,—весь лес будто в разноцветных заплатках.

И правда.

В лес вошли,—а там вся земля усыпана желтой палой листвой, и все нет-нет да и обрвется где-нибудь с ветки листок. А подует ветер,—и посыплется листва целым золотым дождем.

— А жаль, чай, деревьям листва, то сбрасывать! — говорит октябренок Гриша.

А Витя ему на это:

— Чего жаль?... Они отмерли, листва-то!.. На что они нужны? Только тягость лишняя...

Поднял лист опавший,—сухой он, коробленный. А летом был сочный, гибкий, упругий.

Каждый лист был как бы маленькой лабораторией, где вырабатывались разные питательные вещества, нужные растению: крахмал, сахар,

белок. И эта воздушная пища соединялась в листьях с тем соком, который поднимается по дереву из корней к листьям.

День и ночь работает летом каждый листик на дереве,—деньденской неустанно из воздуха добывает питательные вещества, а ночью по черенку листа перегоняет их в ветки. Сок из листьев спускается по дереву между корой и древесиной и образует новый слой древесины.

А к осени дерево заблаговременно переводит все пищевые вещества—крахмал, белок, сахар из листа в складочные места на хранение—в ствол, в ветви, в семена. Все, что можно, из листа выбирает. Даже листовозелень—это удивительное вещество, на котором вся работа листка лежала,—разлагается на свои составные части—и дерево всасывает и ее тоже. Потом из нее весной такая же листовозелень образуется.

Листозелень из листа уйдет, вот листок и желтеет, буреет или краснеет. А после этого он становится бесполезным для растения.

Похоже на то, будто листья—на-

скоро построенные дачи. На летнее время туда переселяются части живого вещества растения. А к зиме—они на зимнюю квартиру отправляются. Ну, а дачу сбрасывают на землю. На что она теперь?

Живой лист оторвешь от стебля,—на этом месте ведь образуется ранка.

Так вот удивительно, как дерево старается, чтоб ранок этих не было.

Оно к осени заранее заготавливает на том месте, где черешок листа прикреплен к стеблю,—особую прослойку из пробки. А через пробку, вы знаете, жидкость не проходит. Ну, вот и соки из дерева в лист просочиться не могут, лист и погибает.

А пробка лежит, как пластырь, на ранке от отпавшего листка. Дерево и не страдает от того, что листья с него спадают.

Октябрюта слушают,—занятно это.

Тихо-тихо в лесу. Только с чуть слышным шорохом опадают листья на землю, то там, то здесь... опадет и замрет на земле.

И остро же пахнет в лесу листом об эту пору!...

М. Б.

МЕДВЕДЬ.

На лесной полянке брусники видимо-невидимо. Алеет она точно рассыпанные бусы; и ягода все сочная, крупная, сладкая.

Обсасывает медведь ягоды с веточек, причмокивает от удовольствия.

— Дяденька, а ведь тебе в берлогу скоро надо ложиться, — кричит с верхушки ели сорока.

— Успею еще, — отзывается медведь, — я еще по лесу погуляю, брусникой полакомлюсь, а потом уж и залягу в берлогу.

Берлогу медведь разыскал себе чудеснейшую — под корнями вы-

вороченной бурей ели; кругом дичь да глушь такая, что никто, пожалуй, не сунется, — можно спокойно всю зиму отлеживаться.

Но вот день за днем уходит, а там, глядишь, и заглодало по настоящему, — пора, значит, и в берлогу ложиться.

Отправился медведь к облюбованному местечку, забрался в берлогу, свернулся поуютнее и вылезать уже больше не собирается.

А над берлогой зимние метели намели вскоре сугробы высокие, занесли ее так, что и не отыщешь; кругом ели лохматые, снегом одетые, сгрудились, и никто сюда, в этот уголок леса, не заглядывает, даже ворон голодный не залетает, даже волк отощавший не забегает.

И лежит так медведь до весны, в спячку погруженный. А с весенним теплом вылезет он снова из берлоги, но отощавший, с взлохмаченной шерстью; — ведь, как никак, а всю зиму пробыл он без пищи, за счет только своего накопленного за лето и осень жира существуя.

Иногда случается, что какой-нибудь медведь почему-либо не заляжет на зиму в берлогу.

И ходит он по лесу сердитый и голодный. Ягод нет, нет сладких корешков, нет меда диких пчел, надо промышлять как-нибудь иначе.

И горе корове, овце и даже человеку, если они подвернутся такому сердитому, не улегшемуся на зиму в берлогу, медведю, которого народ называет шатуном.

Евгений Шведер.

ДОЖДИК

Тучки плачут: „Кап! Кап! Кап!“
Лужи вторят: „Так! Так! Так!“
Мы по лужицам бежим,
Громко, весело кричим:

„Дождик, дождик льется!
В руки не дается,
Льется прямо, льется вкось,
И на щеки, и на нос!“

„Лейся, дождик, веселей,
Поливай-ка посильней
Ты на травушку,
На муравушку!“

Дождик льет, как из ведра!
Побежимте со двора.
Миша первый побежал,
Хлоп!.. И в лужицу упал!

П. Чумикина.

МУРЗИЛКИНЫ ПОХОЖДЕНИЯ.

XI. МУРЗИЛКА ВОЗВРАЩАЕТСЯ.

Очень был занят Мурзилка новой жизнью на берегу моря и своей тоской, ни на что другое внимания не обращал. А как-то поглядел на Петькиного отца и узнать его не может.

То худой был, бледный—а теперь лицо красное, борода лопатой, да ведь толстый какой стал!..—Не узнаешь его. Только разве чутьем!..

Глянул на Петьку, а тот—совсем кубарь, поперек себя шире. А тут заведующий домом отдыха идет.

Петькин отец—к нему:

— Ну,—говорит,—спасибо, товарищ Грамс,—вот как вы нас здесь поправили,—что меня, что Петьку...

А тот и говорит:

— Я больше вас рад, что вы такие стали. Когда вы приехали сюда, жалко было смотреть на вас.

А Петькин отец—ему:

— В жизнь свою не думал—в море купаться. Тут ведь, бывало, все господа да купцы утешались, а теперь, на-поди, простому рабочему—и такое, можно сказать, удовлетворение.

А заведующий, ради озорства, Мурзилку за шиворот поднял да и говорит:

— Вот только собачка ваша отощала больно. Кожа да кости. И за курами не гоняется.

А какое там—отощал? С тоски ли, нет, а Мурзилка в роде подушки на четырех лапах стал.

— Ну,—говорит Петькин отец,—пожили, погостили, за все спасибо,—а завтра и ко дворам надо... Едем, брат Мурзилка!..

Мурзилка только слабо хвостом вильнул, слова-то он разобрать не может.

Зато, когда по утрам подали лошадь да стали вещи выносить, а Петька и отец оделись по-дорожному, — тут только сообразил Мурзилка, в чем дело.

Залаял, завизжал, стал бросаться от восторга во все стороны. Петьку в нос лизнул, курицу за крыло цапнул. А потом вскочил на линейку, хвост крючком да как залает.

На лошади до пристани доехали. А там опять на пароход поднялись,—уж он пыхтел-пыхтел, насилу-то поплыли. А с парохода они—на поезд, и тут опять заперли их всех в коробку,—и пошло стучать и день, и ночь:—„ты-ты-так“, „ты-ты-так“,—„ты-ты-так“—без конца.

Как-то утром проснулись,—Петькин отец в окно выглянул да и говорит:

— Ну, Петька, под'езжаем, — Москва — вот она... Сейчас последняя остановка будет.

Петька — к окну. Мурзилка на столик вскочил — в окно уставился и смотрит, будто Москву узнает.

Поезд остановился. Петькин отец говорит:

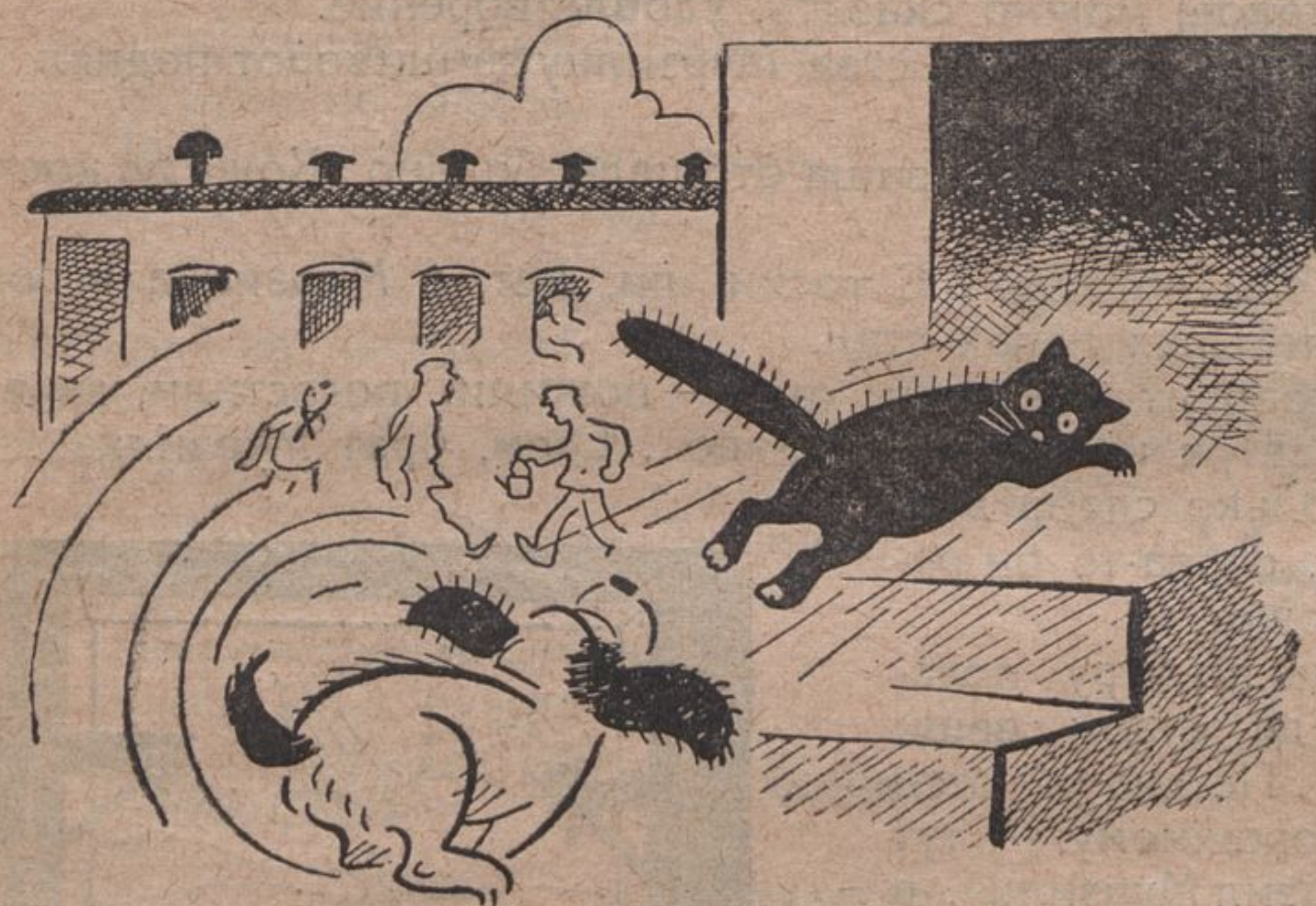
— Я пойду выполощу чайник, да и укладываться будем...

Вышел из вагона, а Мурзилка за ним. На платформу выскочил, загавкал. А кошка на него — фрррр, шею горбом, хвост — тру-

бой — и в сторону.

А!... Так?

Кинулся Мурзилка за кошкой: — она по ступенькам, и он по ступенькам; она — в сад, и он — в сад; она под дом, и Мурзилка туда же...

и след уж простыл... Бросился назад Мурзилка. Кто-то ухнул во весь голос, зашипел... — Замелькали колеса по рельсам. И слышит Мурзилка отчаянный крик:

— Мурзилка!.. Мурзилка!.. Мурзилка!..

Петька кричит!.. Петька, видно, в беде!.. Надо к нему на помощь!..

Вылетел Мурзилка на платформу.

Далеко-далеко несется поезд, — откидывает на бок дымную ленту и свистит издалека:

„Бууудь здоров, Мурзилка!..“

А на станции — тихо, тихо... Нет никого... Все чужое кругом. Сел Мурзилка на платформе да как завоет:

„Воу-воу... воу-у... Покинули Мурзилку одного!.. Покинули несчастного!..“

А. Федэ.

Международная детская неделя.

Она проводится с 30 августа по 6 сентября.

Международная Детская Неделя—делает как-бы перекличку по всему миру, ободряя ребят пролетарских в далеких странах, где им жить сейчас тяжело. А в то же время наши ребята за эту неделю подводят итоги всей своей работы за год.

Лозунги 5-й Международной Детской Недели в этом году призывают ребят:—1) беречь здоровье, чтобы стать крепкими, выносливыми борцами в будущем, 2) держать связь с деревней, помогать ей, чем можно, 3) учиться и учиться, чтобы для будущей работы иметь больше знаний и опыта, 4) налаживать связь с ребятами за границей и 5) всех неорганизованных ребят вовлекать в пионерскую организацию.

Да вот вам частушки на эти лозунги.

Частушки.

Для борьбы и для труда
Смену дай здоровую,
Жизнь наладим мы тогда
Во всем мире новую.

На учебу—все вперед,
Не жалея старанья,
Для борьбы и для работ
Нужны—опыт, знанья.

Дети германских рабочих перед
получением пайка.

Пионеры городов!
Ну-ка, на отличку,
Закрепить ты будь готов
С деревнями смычку.

Да еще—свядись с братвой
Запада, Востока,—
Помоги ты им борьбой
С буржуазной склокой.

Пролетарских сбей ребят
В армию миллионную,
Пусть повсюду ободрят
Массу угнетенную.

Мурзилкина почта.

Дорогой Мурзилка!

Мне журнал твой очень нравится. Когда я жила в Москве, я видела Ленина в мавзолее.

Рая Александрова, 6 лет.
Свердловск.

Здравствуй, милый, дорогой]
Мурзилочка

Какой ты имеешь хороший журнал! Какие там есть интересные рассказы и стихи! Мы очень любим читать твой журнал. Ты, Мурзилочка, рисуешь очень забавные вырезные картинки. Мы тоже пишем рассказы и статьи в нашу стенгазету „Малыш“. До свидания, милый Мурзилочка.

Твои друзья, ученики Шарташской школы I гр.
г. Свердловск.

Пришлите мне посмотреть ваш журнал „Малыш“.

„Мурзилка“.

Мне журнал очень понравился, и я уже выучил на память „Октябрят“ и пою на мотив „Мы кузнецы“. Папа помог мне вырезать и склеить мавзолей Ленина, который вышел очень красивый.

Толя Шигорин, 7 лет.
Бобруйск.

Здравствуй, Мурзилка!

Я уже с тобой знакома. Мне мама вместо игрушек покупает „Мурзилку“. Я очень люблю читать „Мурзилку“, а также и склеивать приложения. Я склеила мавзолей Ленина, и он мне больше всего нравится.

Лена.

Ростов.

Здравствуй, милая Мурзилка!

Очень рад тебя читать. Каждый день жду тебя с нетерпением.

Юля Лещинский.

Киев.

Мы два близких друга—я, кот Мурка, да мой друг—Чайка.

Когда я побываю на охоте, приду и начинаю рассказывать о том, как я ловлю мышей и душу крыс,—мой товарищ сидит рядом, слушает, кивает головой или ищет блох.

Я засну,—а он сбоку ложится спать.

Кот „Мурка“ и его друг „Чайка“.

Милая Мурзилка!

Как мы рады, что ты нам дал кусочек места в „Мурзилке“, где мы можем писать кое-что, и еще посылаем свое спасибо от 35 душ учеников 1-го класса.

Рудник „Октябрьская Революция“.

Я живу на севере Урала среди гор, в стране платины, на прииске Кыштым. Однажды я увидел здесь в библиотеке „Мурзилку“ и стал просить маму выписать его; мама согласилась и выписала. Как я обрадовался ему, сейчас же стал склеивать карусель. Мне очень нравятся „Мурзилкины похождения“, и я всегда смеюсь, когда читаю.

Сергей Соловьев, 8 лет.

Мурзилка! Я получил твою книгу. Спасибо.

Толя Туранский, 6 лет.

Мурзилка! Мне жаль, что тебя ушипнул рак.

Толя Т. 6 лет.

Этой зимой в годовщину смерти В. И. Ленина у нас в клубе организовали отряд октябрят. Нас в отряде 25 человек. Собираемся мы на сборы два раза в неделю. У нас есть своя комната, где устроены трапеция и лестницы для гимнастики.

Вожатым у нас пионерка из 86 отряда Нюра Тюркина, мы все ее очень любим.

У нас есть свое знамя и барабан; мы очень любим с ними ходить по городу. Твой журнал мы получаем в отряде и читаем вслух.

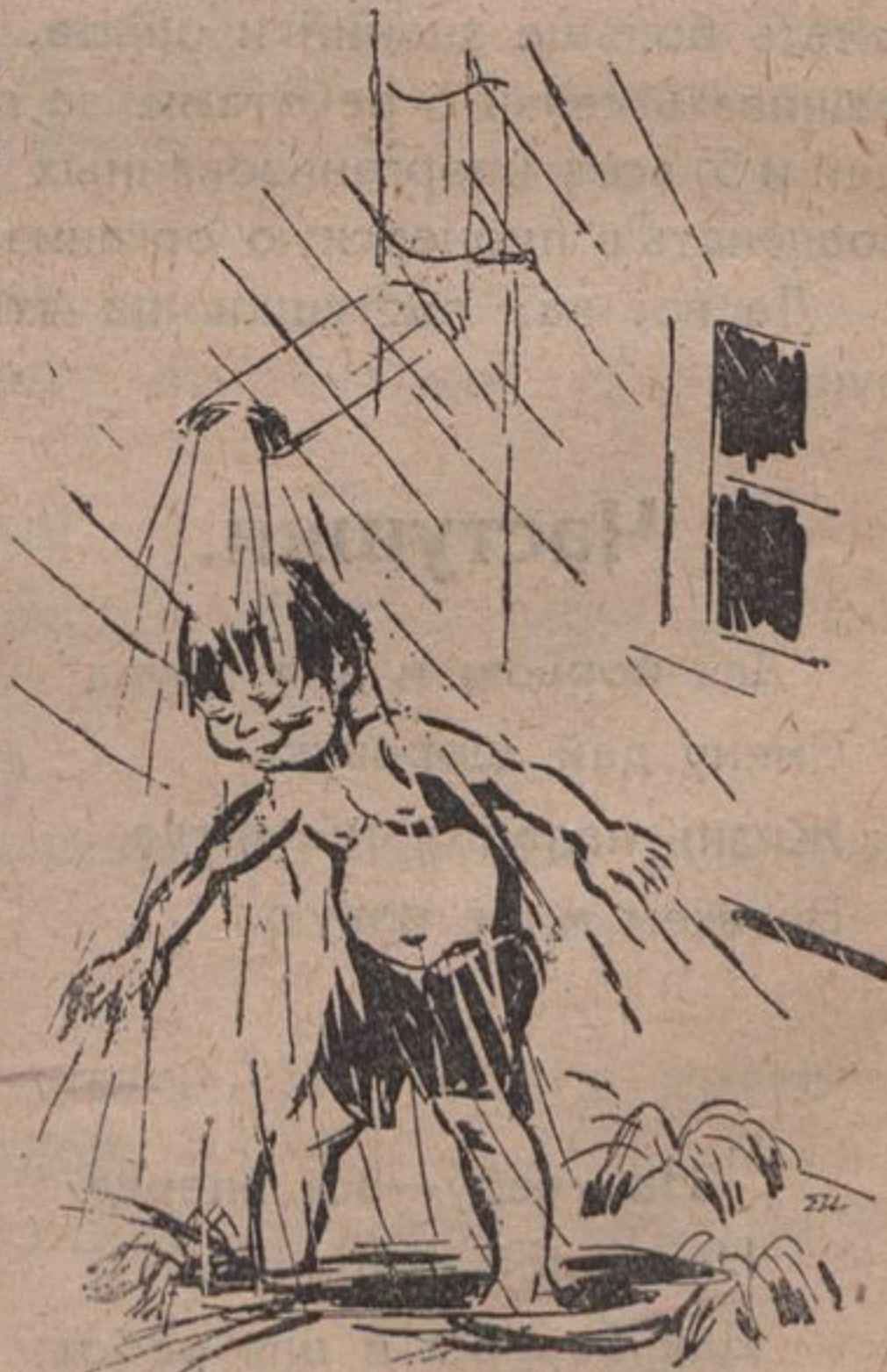
Леля Зейдлер, 7 лет.

Я с удовольствием читаю тебя, Мурзилка, продолжай пожалуйста писать свои похождения.

Эммануил Пикаревич, 6 лет.

Очень я благодарю Мурзилку. Вырезали передвижной календарь; я встаю каждое утро, переставляю числа и дни; очень уж интересно. Приходят подружки, мы совместно читаем журнал, а также уносят на дом. Посылаю журнал в деревню, и там им интересуются, а также в школу носят читать.

Саша Сенерина, 7 лет и Тоня 3 лет.
Лысьва, Пермск округ.

А лучше бы так не делать!

— Куда?
— На работу в деревню.

Моя двухлетняя племянница Зиночка выписывает Мурзилку. Ей Мурзилка очень нравится, в особенности в 3-м номере рисунок китайченок и еще стишок: динь-бом, динь-бом, загорелся кошкин дом; ей еще нравятся разноцветные рисунки и стихотворения. Ей хоть два года, но она все понимает и очень любит, чтобы ей читали и с удовольствием слушает. Я тоже люблю читать Мурзилку.

Гита Подберезина.

Гор. Клинцы.

Дорогой Мурзилочка!

Шлю тебе свой привет. Мне очень нравятся рассказы и приложения, я люблю их вырезать и склеивать.

Женя Тертус, 7 лет.

Вишняки.

Дорогой Мурзилка!

Мы ужасно боимся смерти. Вчера погибла наша мама, и сегодня, как мы узнали от кота, Василия Васильевича, она была подана к столу. Он даже глодал ее косточки. Если ты нам не поможешь, то нас ждет та же участь.

Поросята: Хрю и Рю.

Переписала Ция Ямпольская.

Здравствуй, дорогие октябрюта!

Шлем мы вам свой привет и желаем всего хорошего в вашей работе. Как вы живете и где занимаетесь, есть ли у

вас клуб? Носите ли вы галстуки? Отдаете ли пионерам салют? У нас клуб есть, мы в нем занимаемся спортом, маршировкой; жаль, книг у нас нет. Если у вас есть книги или журналы, то пришлите нам. Ну, пока до свидания. С октябрьским приветом.

Солодникова и Гулинд.

Г. Сатка, Златоустовского округа, Челябинской губернии. Нашему вожаку Некрасову, Владимиру, улица Советская, № 7.

Шлю свой привет Мурзилке. Я получил твой первый номер, он полезен для меня,—много написано статей про Ильича из деревни.

Меня товарищи просят, чтобы я им показал, что такое Мурзилка. Прощай, еду в подшефную деревню.

Октябренок Голубовского рудника

Илюша Лютинов.

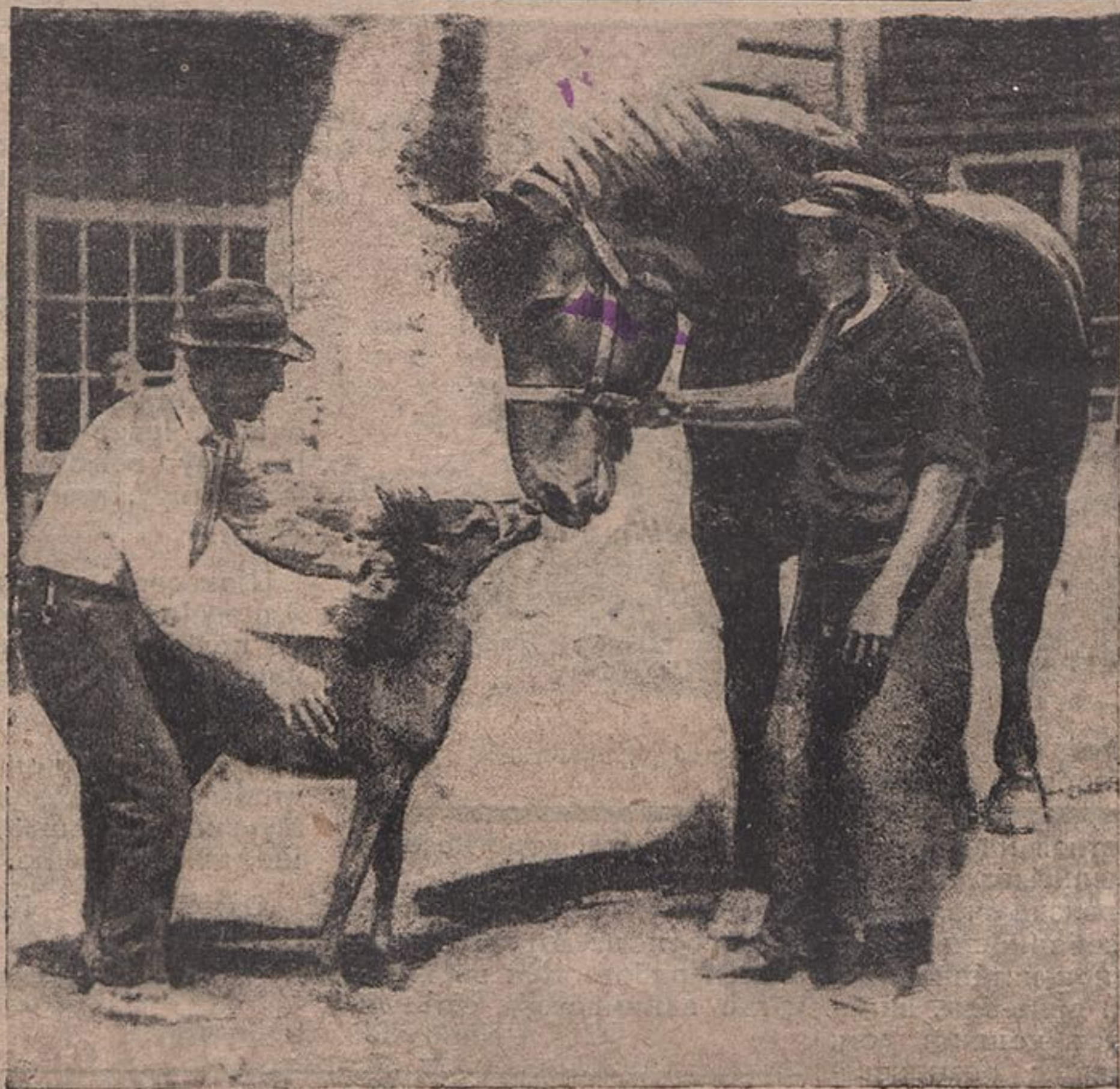

Вася носом в землю—хлоп!
Весь в грязи, измазал лоб...
Плачет—разливается...

Рядом, разрывая грядку,
Бродит курочка - хохлатка,
Смотрит—удивляется:

— «Сколько раз я в землю—носом
За пшеничкой иль за просом,
А плакать—не случается».

К. Л—в.

Карлик и великан.

Маленькая и большая

Вот мы посылаем нашу фотографию Мурзилке.

Я—самая большая лошадь по имени „Мамонт“ весом в 60 пудов, и я—самая маленькая „лошадь“—карлик в 2 пуда. Нас сфотографировали, когда мы познакомились.

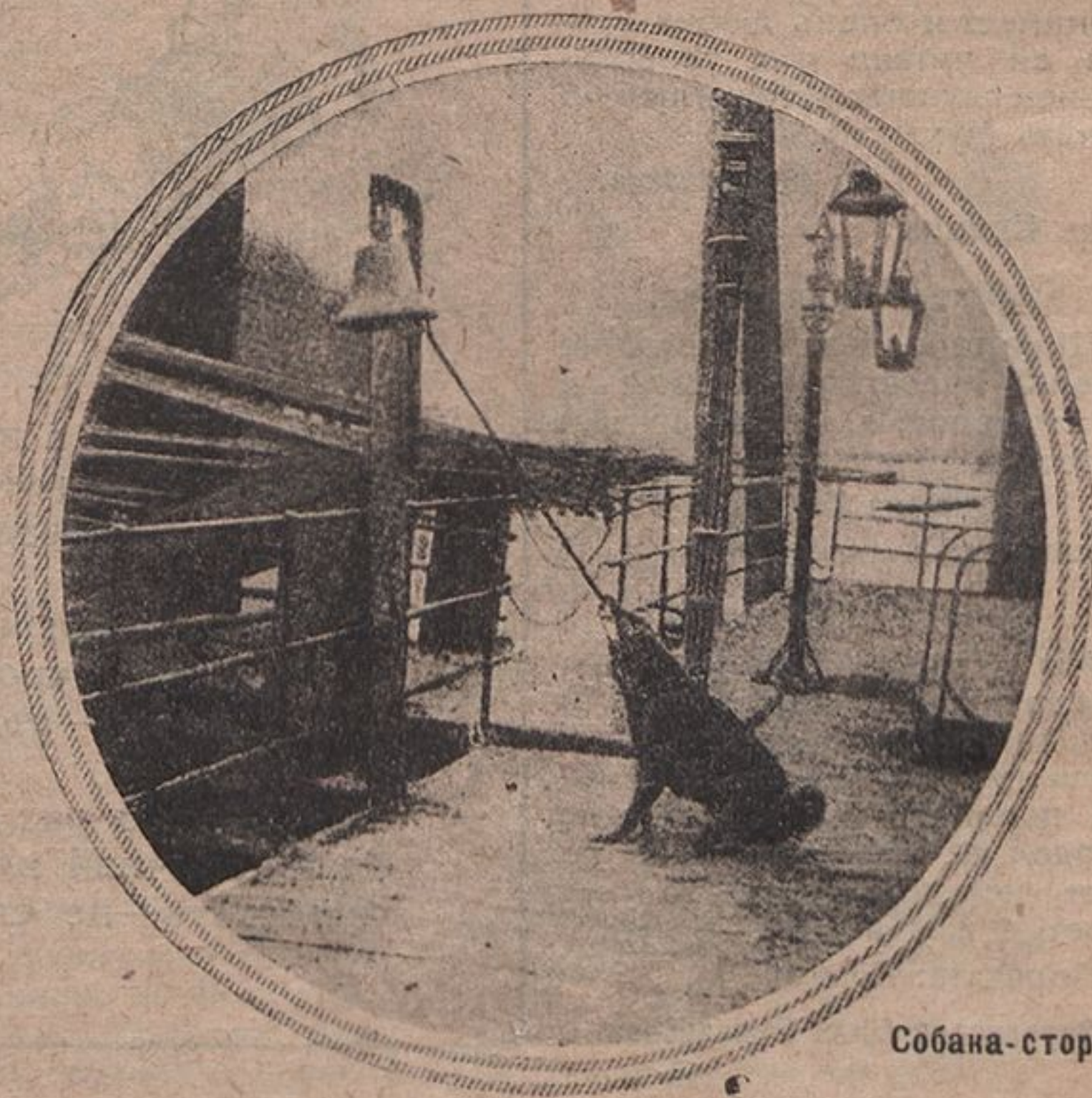
„Карлик“ и „Мамонт“.

Собака-сторож.

А вот здесь — фотография, снятая с собаки-сторожа во время ее работы.

Собака эта живет на одной немецкой пристани вместо сторожа.

Перед отходом парохода она звонить в колокол, дергая зубами за веревку.

Собана-сторож.

ДЕРЕВЕНСКОЕ СТАДО

ДЛЯ ВЫРЕЗЫВАНИЯ И СКЛЕИВАНИЯ

СОГНУТЬ
ПО ПУНКТИРУ
И ВЕРХНЮЮ
ЧАСТЬ
СКЛЕИТЬ

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
„МУРЗИЛКА“ 3, 1925.

